

Помните, звучали по радио, на пластинках красивые песни: "Звездочка моя, ясная", "Насмотришь, зорька, в реченьку..." и другие? Слова их написаны замечательной русской поэтессой Ольгой Фокиной, чье творчество вобрало в себя целую эпоху — от бурных шестидесятых до не менее бурных девяностых. Голос Фокиной звучал в переполненных залах Москвы и Ленинграда, в сельских клубах архангельской глубинки, не говоря уж о Вологде. И вот на днях, как и в далекой юности, Ольга Александровна вышла на сцену престижного "Русского дома". Читала стихи, звучали песни, было много цветов и поздравлений.

Тесно тут народушку, в Москве-то,

А в колхозе некому косить.
Я до жалоб сроду не повадна,
Может, стала к старости глупа,
Да неужто, Ленин, это ладно —
На корню гниют у нас хлеба.
Березняк идет на луговины,
Зарастают елкою вишины...

В стольном граде снились матери сны про некормленных лошадей, недоубранные льны. Дочь, проводив ее, возвращаясь с вокзала, увидела, как "поугрюмел город мой"...

— Стремление выразить душу народа, наверное, глав-

ОЛЮШКИНО ПОЛЮШКО

Встреча с поэтессой Ольгой Фокиной перед выходом новой книги

К удивлению самой поэтессы, на ее юбилейный вечер собрался полный зал, немало молодежи. Видно было, что интерес к подлинной поэзии не угас. Ведь она, поэзия, — как тот островок, о котором писала Фокина:

*Много ль надо для островка?
Клок осоки да горсть песка.
Горсть песка да осоки клок —
Вот и весь островок,
Речка Содонга — ой, бойка!
Так и рвет островку бока.
Так и гложет его края
Немутнеющая струя...*

Кажется, сметет островок бурное весеннее половодье. Однако он выживает.

О многом хотел я расспросить Ольгу Александровну, готовясь к встрече. Но вышло так, что беседа наша как бы сама собой повернула к тому, без чего не было бы ее творчества и судьбы, — к деревне. Послевоенной и нынешней.

— Я только что вернулась со своей малой Родины — из деревни Артемьевская в Архангельской области, — рассказывала она. — Ни одного лета не пропускаю, чтобы не побывать там. Одна или с семьей — детьми, внуками. Бывая там, испытываю самые счастливые минуты. Утром мы выходим с внучкой на крыльцо, и она говорит: "Здравствуй, солнышко!" Так становится хорошо на душе...

— Детство внуки, наверное, более радостное, чем ваше?

— Воспоминания детства во мне не остыли до сих пор. Мать и отец были колхозниками, отец бригадирствовал. Семья у нас была большая — шесть человек, все мальчики, я — единственная девочка. Меня в семье любили, иногда и кусок послаще доставался. Но детство мое кончилось рано, в шесть лет, когда в 1943 году, осенью, мы схоронили отца. В мыслях было только одно: как прокормиться? Приходилось собирать милостыню в соседних деревнях, лучший кусок несла маме... А еще на мне лежали обязанности по дому, по хозяйству.

— Как вы начали писать?

— Мама наша, Клавдия Андреевна, укладывая нас, убаюкивала песнями, рассказывала сказки. Все это пробуждало воображение. Росла я среди мальчишек, с девочками не очень дружила. Часто испытывала чувство одиночества, а где одиночество, там и мечтательность. Сочинять я начала рано, может, лет в пять. Это были стихи на мотивы северных песен. В школе писала в стенгазету, потом печаталась в районной газете, сейчас она называется "Заря", ее редактирует мой младший брат Владимир. Закончив семилетку, поступила в Архангельское медучилище. В комнате жили 12 человек. Сами пилили, кололи огромные кряжи, топили печи. Тогда, в 1955 году, в областной молодежной газете Архангельска "Северный комсомолец" появилась первая подборка моих стихов, с фото, с напутствием. Но директриса рассердилась на эту публикацию — в одном из стихотворений я описала в фельетонном духе, как нас загоняли на лекции о любви. Ничего, потом мы с ней нашли общий язык, я закончила училище с красным дипломом. Но меня тянуло к литературе. Я была вхожа в архангельские литературные круги, познакомилась со Степаном Писаховым, Евгением Коквиным... По распределению уехала работать фельдшером на глухой лесоучасток, в свой же район, почти в тридцати километрах от родного дома. Глушь, коночно вечно пьяный, лошадь запрягала сама...

— Не до стихов было?

— Тем не менее за ту зиму я сочинила более ста стихотворений. К тому же полюбила работу медика. Вот так бывает. Весной послала стихи в Москву, в литературный институт — хотела поступить на заочное отделение. В ответ получаю письмо от Виктора Бокова, его подборку в журнале с надписью: "Ольге Фокиной с любовью к ее стихам" и приглашение на дневной факультет. Поехала. Маме на прощание сказала: "Я все равно вернусь!" Москва встретила меня с распростер-

ное в вашем творчестве...

— Я писала о людях, перед которыми в долгу, — о матери Клавдии Андреевне и ее подругах, вынесших на своих плечах тяготы войны, об отце-солдате... Их чувства, мысли я пыталась и пытаюсь передать в слове. Мои герои — люди крестьянского труда. Они сегодня, к сожалению, оказались не в чести. И наше творчество — народного направления — вроде бы никому и не нужно. Даже издаваться не хочется. Неудобно разорять людей на покупку книги, если у них не всегда есть деньги на хлеб.

Живя ныне по совести — останешься в дураках. Деньги правят бал, все деньгами делается, как будто нет других ценностей. Но я не сдаюсь, я остаюсь себе верна, меня не переладать. В одном из недавних стихотворений я написала: "На нашей улице не праздник, но я на вашу не пойду..."

— Когда мы прочтем ваши новые стихи?

— Надеюсь, скоро. С помощью женщин-северянок, моих землячек. Они сами решили, что мою книжку надо все же издать, где-то нашли средства.

— В ваших словах чувствуется фольклорная основа, не зря Федор Абрамов говорил, что вы лучше его знаете "северную говорю". Вы сознательно опираетесь на фольклор?

— Нет, так получилось. Я сперва, знаете, даже стеснялась. Это Москва — институт, друзья — слава Богу, помогли понять, что наш северный язык — драгоценность. Я почувствовала, что за моим языком, за моими плечами стоит народ, и я должна рассказать о нем его словами. В начале осени, в Артемьевской, отметили мой юбилей в клубе, который по этому случаю даже отремонтировали. Жители села разыграли сценку по мотивам моей поэмы "Малина твоя". Они не актеры, но играли здорово, потому что им не надо было разучивать язык и роли — все им знакомо. Я испытала непередаваемую радость!

— Как живут сегодня ваши земляки?

— О том, что сейчас происходит с деревней, говорить больно и трудно. Я не могла даже досидеть до конца на колхозном собрании, где опять делили последние остатки добра. Такие картины наводят на горькие мысли. Утешили, правда, слова местной учительницы: "Мы все равно объединимся, мы все равно воскреснем!" Думаю, худа без добра не бывает.

— С каким настроением вы встретили юбилей?

— Отвечу стихами.

*Ну, что ж, что осенью дохнуло!
Я перед осенью смела:
Меня судьба не обманула
И стороной не обошла.
Моя весна была с цветами,
Большое лето — со страдой,
Должна быть осень со снопами,
И зима — теплою трубой.
Поглажу волосы сыночку,
Дочурке косы расчесу.
Мои родные колосочки,
Пока вы есть — не загущу.
Вам подрастать и наливаясь,
И зорьки ясные встречать,
А мне смотреть и любоваться,
И осени не замечать.*

Беседу вел Геннадий САЗОНОВ, соб. корр. "Труда".

ВОЛОГДА.

тыми объятиями. В литинституте я еще и подрабатывала, заведовала медпунктом, лечила будущих литературных светил — Виктора Астафьева, Василия Белова... Появились публикации в журналах, готовила к изданию первую книгу "Сыр-бор".

— Я помню, вас тогда назвали "звездой первой величины" на IV Всесоюзном совещании молодых писателей. И вдруг — уехала из Москвы...

— После окончания литинститута мне даже работу нашли в Москве, в издательстве. Но не моя там среда. Я люблю деревню, без нее не могу.

*Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулко лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.
Простые краски северных широт:*

*Румяный клевер, лен голубоватый,
И солнца блеск немного винюватый,
И облака, плывущие вразброд,
Плывут неторопливо, словно*

*ждут,
Что я рванусь за ними, как*

когда-то...

Вот я и рванулась в Артемьевскую. Мама, правда, была немножко огорчена, что я так с Москвой-то... Устроиться на работу в родных местах оказалось сложно. Я написала письмо друзьям-писателям в Вологду — Ивану Полуянову, Александру Романову, Сергею Викулову. Они откликнулись, так я оказалась в Вологде, получила жилье, работу в молодежной газете. Все сложилось нормально, и до сих пор так идет.

— А в Москве часто приходилось бывать?

— Помните, тогда устраивались популярные поэтические вечера — меня приглашали, я приезжала, выступала вместе с Беллой Ахмадулиной, Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским... В зале Чайковского меня вызывали на бис — читала одно запретное стихотворение, оно потом было опубликовано в сборнике "Аленушка".

— Что это за стихотворение?

— Про то, как моя мама-крестьянка впервые приехала в Москву... Хотите прочту?

Ольга Александровна стала неторопливо читать. Сюжет проще простого: приехавшую мать дочка с "восторгом вовсе не телячим" повела по площадям столицы, не стесняясь ее внешнего вида — "в сапогах, в братишкиных обносках, в пиджачишке с могого плеча". Что же тут крамольного? Ага, кажется, вот. Крестьянка торопилась не в магазины, а в очередь большую, где люди к Ленину стоят, и надумала у вождя спросить: